

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
Институт славяноведения Российской академии наук

Славяне и Россия:

исторический контекст
и проблемы историографии

Москва
2015

УДК 316.73
ББК 76.02
С47

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Редакционная коллегия:

С. И. Данченко (отв. ред.),
И. Ф. Макарова,
М. М. Фролова

Рецензенты:

д. и. н. В. И. Косик
к. и. н. О. А. Дубовик

Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2015. — 380 с. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISBN 978-5-7576-0355-1

Сборник подготовлен по материалам научной конференции: «IV Никитинские чтения. Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии», проходившей в Институте славяноведения РАН (9 декабря 2014 г.). В нем представлены статьи, посвященные особенностям преломления в зеркале отечественной и зарубежной историографии различных событий и явлений истории славянских и балканских народов. Хронологический охват статей исключительно широк: с середины XVIII в. — до начала XXI в.

Сборник структурирован по хронологическому принципу, но включает в себя четыре условных тематических раздела: рассмотрение историографии в контексте развития общественного сознания конкретных исторических эпох, в составе многоголосной структуры современной политологии, в форме тематического обзора научной литературы и, наконец, в качестве самостоятельного объекта научных дискуссий. Все статьи ориентированы на учет новейших тенденций и разработок как мировой, так и отечественной исторической науки.

Сборник предназначен для историков-профессионалов, аспирантов, студентов профильных вузов и широкого круга читателей.

УДК 316.73
ББК 76.02

ISBN 978-5-7576-0355-1

9 785757 603551

© Коллектив авторов, 2015
© Институт славяноведения РАН, 2015

Англо-американская историография о балканских предпосылках Первой мировой войны: актуальные тенденции и подходы

Одна из особенностей исторической науки, как отмечали ее выдающиеся теоретики Б. Кроче, Э. Коллингвуд и Э. Карр, состоит в том, что мы анализируем события прошлого под воздействием идей и забот дня настоящего¹.

Морально-этические воззрения, политические пристрастия, интеллектуальный климат эпохи — все эти переменные так или иначе влияют на ремесло историка, особенно если речь идет об исследовании истоков столь масштабного военного конфликта, как Первая мировая война. Доказательство этому — наличие обширнейшей историографии по данной теме. По подсчетам двадцатилетней давности, количество работ по происхождению Первой мировой войны составляло 25 тыс. единиц². В преддверии ее 100-летней годовщины этот список значительно пополнился³.

Трудно не согласиться с высказыванием британского историка П. Кеннеди о том, что «Первая мировая война дает нам такое количество самой разнообразной информации и сведений, что они позволяют сделать выводы, которые априори будут соответствовать любой гипотезе и концепции, которую в данный момент активно продвигают современные политики»⁴. Этот тезис особенно хорошо иллюстрирует ситуацию, существующую в новейшей (последние 15 лет) английской и американской историографии происхождения Первой мировой войны, в том числе ее балканских предпосылок. Развитие международных отношений на современном этапе: сложности и противоречия, сопряженные со становлением

постбиполярного мирового порядка, рост конфликтогенного потенциала на региональном уровне, формирование представлений о Европе как об унифицированном культурно-политическом и идеологическом пространстве – все это актуализировало дискуссии об истоках Первой мировой войны в начале XXI в. Однако, помимо чисто экстерналистских факторов, работы по истории дипломатии и международных отношений «эпохи империализма» не обошли стороной и общая эволюция гуманитарного знания, его тяготение к междисциплинарности: в частности, зарубежные авторы активно используют подходы политологии, конфликтологии, стратегических исследований.

Наша задача состоит в том, чтобы в формате статьи обозначить и проанализировать основные направления, тенденции и подходы, которые характеризуют современные исследования британских и американских историков и политологов, рассматривающих балканские сюжеты в контексте изучения причин возникновения «Великой войны». Необходимо подчеркнуть, что данные работы появились не на пустом месте, а базируются на массивном историографическом фундаменте трудов предшествующих поколений историков, выводы которых принимаются, синтезируются или, напротив, отвергаются нашими современниками, но в любом случае не остаются не учтенными. Это побудило нас также обратиться к книгам и статьям более раннего периода, дабы показать современное состояние изученности заявленной темы в более широком историографическом контексте.

Самые первые исследования, в которых анализировались причины возникновения «Великой войны», начали появляться еще в ходе самого конфликта и сразу же после его завершения. То обстоятельство, что на протяжении первого десятилетия XX в. Балканы являлись зоной политической турбулентности, а роковой выстрел в Сараево, в итоге, погрузил Европу во мрак мировой войны, предопределило повышенный интерес историков – очевидцев событий к балканским перипетиям. Пожалуй, наиболее яркой фигурой среди британских исследователей этого периода был известный историк-славист, прекрасный знаток балкано-дунайского региона Р.У. Сетон-

Уотсон, лично контактировавший со многими местными политическими деятелями и представителями интеллектуальных кругов. Нельзя отрицать, что работы Сетон-Уотсона, увидевшие свет в суровые военные годы, по большей части, носили либо просветительский⁵, либо пропагандистский характер⁶. Знакомя широкую общественность с историей становления национальных государств на Балканах, британский историк обосновывал тезис о том, что фундаментальным вопросом мировой войны была борьба за свободу малых стран и народов, их право на независимое существование и гармоничное развитие в новом, безопасном и справедливом мире⁷.

Издание мемуарной литературы и многотомных сборников дипломатических документов после окончания мировой войны стимулировало дальнейшие дебаты по вопросу об ответственности за ее развязывание. Принадлежность Великобритании и США к стану победителей не влекла за собой автоматического складывания в этих странах антантофильской историографии. Напротив, со второй половины 1920-х годов, по мере реинтеграции Веймарской Германии в западное сообщество, начала набирать обороты ревизионистская тенденция в истолковании предпосылок «Великой войны». В этом ключе американский историк Г. Барнс, призывая своих коллег «по цеху» прекратить клеймить Германию как главного разжигателя мировой войны, сместил «центр тяжести» с геостратегических планов Драйбунда на политику франко-русского союза. Париж и Петербург, по утверждению Барнса, опасаясь перспективы ослабления связей Великобритании с Антантой и ее постепенного сближения с Германией, рассматривали балканские события лета 1914 г. как благоприятный момент для нанесения упреждающего удара против Центральных держав⁸.

Мысль о невиновности Берлина получила еще более конкретное оформление в ставшем классическим труде американского историка С. Фей «Происхождение мировой войны». Фей указывал на сербский национализм и, следовательно, на австро-сербский антагонизм как на источник всех зол. Ведь, по его мнению, ни одна из великих держав, в том числе Австро-Венгрия, рассчитывавшая на локализацию конфликта с

Сербией, не стремилась спровоцировать континентальную войну⁹. Этот вывод Фея, как мы увидим далее, был охотно взят на вооружение современными авторами.

Такой подход к трактовке балканской подопки «Великой войны» последовательно оспаривался Р.У. Сетон-Уотсоном. Анализируя соотношение противоречий великих держав и роль югославянского вопроса в нарастании напряженности на Балканах, он пытался показать, опираясь на доступный круг источников, что сараевское убийство не являлось результатом заговора тайной организации сербских офицеров «Черная рука», и тем более покушение на Франца Фердинанда не было спланировано и поддержано сербским правительством, а было естественным итогом развития югославянского движения на территории самой Австро-Венгрии, власти которой проводили недальновидную национальную политику¹⁰. Подталкивание Германией своей союзницы к проведению силовой акции против Сербии и декларирование германским руководством безоговорочной поддержки Австро-Венгрии, на взгляд Сетон-Уотсона, способствовали перерастанию Июльского кризиса в общеевропейскую войну¹¹.

Установление биполярной модели международных отношений после 1945 г. и сопутствовавшее этому проецирование соперничества сверхдержав на региональный уровень подогрели интерес историков к темам, связанным с взаимодействием великих держав. В исследованиях по предьстории Первой мировой войны Балканский полуостров стал фигурировать как конфликтное поле, в границах которого сталкивались их геополитические амбиции¹². Такая постановка проблемы привлекла внимание ученых к процессу интеграции Балканского региона в блоковое противостояние великих держав (этот аспект получил детальное освещение в работе Дж. Джолла «Происхождение Первой мировой войны»)¹³. В 1970–1980-е годы в Англии и США появилась целая серия хорошо фундированных, базировавшихся на архивных изысканиях монографий, в которых балканские кризисы, не будучи сами по себе объектами исследования, упоминались в рамках сложного, многоуровневого процесса выработки и реализации внешнеполи-

тического курса той или иной великой державой — Россией, Великобританией, Францией, Германией, Австро-Венгрией и Италией¹⁴.

В 1980-х—начале 1990-х годов в Великобритании и США исследователи, занимавшиеся проблемами происхождения мировых войн, в частности Первой мировой, стали активнее использовать методологический инструментарий теории международных отношений, которая в условиях «холодной войны» институализировалась в качестве самостоятельной научной дисциплины. Точнее даже, сами политологи посчитали, что морфология международно-политических кризисов начала XX в. давала им богатый фактический материал для интеллектуальных экспериментов и апробации аналитических моделей. Приходится, конечно, констатировать, что балканский фактор интересовал этих ученых не сам по себе, а с точки зрения конструирования у руководства великих держав представления о Балканах как о нестабильном сегменте мировой политики. Течение и исход Июльского кризиса 1914 г. казались политологам идеальным объектом для анализа и интерпретаций. Во-первых, на этом примере поднимался вопрос перерастания локального конфликта в континентальный, что было весьма актуально для эпохи «холодной войны», когда происходило смещение соперничества сверхдержав на периферию международной системы¹⁵. Во-вторых, логика поведения великих держав в период балканских кризисов (Боснийского кризиса 1908—1909 гг., Балканских войн 1912—1913 гг. и Июльского кризиса 1914 г.) позволяла раскрыть важные теоретические проблемы, а именно: «культ наступательной политики» (доминирование в военной мысли того времени концепции «упреждающего удара»), отсутствие склонности к компромиссам как один из методов реализации политики «сдерживания» (решительная поддержка, оказанная Германией Австро-Венгрии в период Июльского кризиса)¹⁶, возможности и ограниченность политики «разрядки» (на примере англо-германского сотрудничества в 1911—1914 гг., в частности по балканским вопросам)¹⁷, принципы функционирования военно-политических союзов, в том числе в региональном, балканском измерении¹⁸. В насто-

ящее время исследователи продолжают разрабатывать некоторые аспекты генезиса Первой мировой войны, внедряя в свои работы политологические подходы.

Распад биполярной системы в начале 1990-х годов, сопровождавшийся крахом многонациональных государств и появлением на их осколках новых субъектов международного процесса, оформление единого европейского пространства, а также произошедшая в 2000-х годах корректировка постбиполярного порядка (размывание однополярности в виде американской гегемонии и становление новых центров силы на мировой арене) – все эти изменения опосредованно, но в той или иной степени все же сказались на исследованиях истоков Первой мировой войны, некоторым образом подтолкнули специалистов к иному прочтению и истолкованию казалось бы уже известных сюжетов.

В последние годы среди британских и американских историков наблюдается тенденция к некоторому ретушированию остроты международных противоречий накануне «Великой войны», неизбежность которой теперь не рассматривается как историческая аксиома. Квинтэссенцией таких исследований стала работа профессора Гарвардского университета М. Ниберга «Пляски фурий: Европа и начало Первой мировой войны». Отмечая культурную и цивилизационную гомогенность Западной и Центральной Европы, он проводит идею о том, что существовавшая в начале XX в. система международных отношений, выстроенная великими державами, была резистентна к возникавшим кризисам, в том числе балканским. Европейцы не желали войны, а убийство эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги Софии Хотек в провинциальном Сараево, на окраине Австро-Венгерской империи, не воспринималось современниками как предвестник общеевропейской катастрофы. Нагнетание международной обстановки в период Июльского кризиса и его перерастание в войну являлись, на взгляд Ниберга, классическим образчиком работы «кабинетной дипломатии»¹⁹.

Сложность и многомерность военно-политических, дипломатических и социально-экономических процессов, при-

ведших к Первой мировой войне, корреляция долгосрочных и краткосрочных факторов, обилие игроков, а также наличие обширной историографии по данной проблематике — все это делает крайне сложным формулирование универсального ответа на вопросы, почему началась Первая мировая война и в какой степени события на Балканах предопределили ее неизбежность. Отдавая себе отчет в трудностях, связанных с генерализацией и концептуализацией материала, ряд историков, пишущих о предпосылках «Великой войны», сознательно прибегают к позитивистской методологии, сосредотачиваясь, главным образом, на описании событийной канвы. Прежде всего, это относится к попыткам реконструировать международно-политическую атмосферу Июльского кризиса 1914 г., в условиях которой вырабатывались и осуществлялись судьбоносные для европейской цивилизации решения. В своих объемных монографиях, посвященных «последнему мирному лету Европы», британские историки Д. Отт и Г. Мартелл, а также их американские коллеги У. Джэннен, Д. Фромкин и Ш. Макмикин пытаются показать процесс эскалации кризиса, спровоцированного убийством австро-венгерского эрцгерцога; понять, как происходил переход от состояния мирного времени к войне²⁰. В силу профессиональной специализации (в сфере их научных интересов находится политика великих держав), упомянутые исследователи воссоздают панораму Июльского кризиса, преимущественно фокусируясь на многочисленных консультациях, совещаниях, встречах, проводившихся военным и политическим руководством в Вене и Берлине, Петербурге, Париже и Лондоне, а также на интенсивной дипломатической переписке между этими столицами в жаркие летние дни 1914 г.

Заметным явлением в новейшей историографии Первой мировой войны стали исследования, в которых авторы стремятся к концептуальному осмыслению событий и тенденций, сопровождавших эволюцию различных сфер жизнедеятельности европейского общества в конце XIX — начале XX вв., включая и международные отношения. Здесь следует упомянуть работы ирландского историка У. Маллигана и профес-

сора Кембриджского университета М. Макмиллан²¹. Оригинальность и новаторство их подхода состоит в том, что они трактуют взаимодействия великих держав в рамках существовавшей системы международных отношений, в том числе и на Балканах, не как прямолинейное, безальтернативное движение к войне, а, напротив, как попытки ее предотвратить, пусть и до конца не удавшиеся²². У. Маллиган, рассуждая о запасах прочности международной системы начала XX в., указывает на существование союзов и Антант как на сдерживающий фактор, который до поры до времени не позволял великим державам, запутавшимся во взаимных обязательствах, скатиться в общеевропейскую войну, что, собственно, и продемонстрировала динамика их взаимоотношений в период Балканских войн. Однако, продолжает свою мысль ирландский историк, именно перегруппировка сил на Балканах по итогам войн 1912–1913 гг. ослабила европейскую систему. Во-первых, великие державы, прежде диктовавшие свои условия Османской империи, не могли в такой же степени контролировать поведение ее «наследников» — малых балканских государств, что вносило определенный элемент непредсказуемости в международную жизнь. Во-вторых, одна из великих держав, Австро-Венгрия, боясь повторить судьбу Турции и стать новым «больным человеком Европы», решила силовыми методами пресечь политические тенденции, губительные для ее национальных интересов на Балканах²³.

Более консервативная трактовка развития международных отношений накануне «Великой войны» отличает работы профессора Оксфордского университета Х. Стрэчена, написанные в духе политического реализма. На взгляд британского историка, утверждения о том, что международная система начала XX в. саморегулировалась, благополучно справляясь с возникавшими кризисами, звучат слишком оптимистично, поскольку не была устранена ни одна из причин, являвшихся источником международных осложнений того времени. В качестве аргумента он ссылается на Бухарестский мирный договор (август 1913 г.), который, хотя и подвел черту под периодом Балканских войн 1912–1913 гг., по сути, являлся все-

го лишь перемирием²⁴. Анализируя факторы, обусловившие превращение Балканского полуострова, этой «отдаленной европейской периферии, сотрясаемой братоубийственной враждой местных народов», в эпицентр международно-политического и дипломатического противостояния великих держав, Стрэчен заключает, что на Балканах произошло наложение конфликта военно-политических группировок в духе «холодной войны» на империалистическое соперничество отдельных великих держав. Геополитическая значимость Балкан проявилась также и в том, что именно там перед тремя империями (Османской, Австро-Венгерской и Российской) обозначилась реальная перспектива заката их мощи и утери ими статуса великой державы²⁵.

Балканские сюжеты, представленные как в региональном, так и в глобальном измерении, стали композиционным и смысловым стержнем нашумевшей монографии австралийского историка, профессора Кембриджского университета К. Кларка — «Лунатики. Как Европа вступала в войну в 1914 г.». Принципиальной методологической установкой работы Кларка является отказ от формулирования вопроса «Почему началась Первая мировая война?», ибо такой исследовательский ракурс, как ему кажется, подразумевает сознательную подгонку конкретно-исторического материала под концептуальные лекала, что обуславливает предзаданность, априорность выводов. Руководствуясь целью «собрать мозаику из кусочков разрозненных фактов, причин и следствий»²⁶, т.е. проиллюстрировать множественность путей, которые вели Европу к войне, разновекторность политики великих держав, сложность механизма выработки и принятия внешнеполитических решений, стремление малых балканских стран материализовать свои «ментальные карты», кембриджский профессор придает ключевое значение «балканскому фону» происхождения Первой мировой войны, показывая, как этот фон, словно «оживая», становился одним из главных действующих лиц в июльской драме 1914 г. Сопоставляя Июльский кризис с последующими международными кризисами XX—XXI вв., Кларк отмечает его беспрецедентную комплексность, многоуровневость и

многопараметрность. Ведь коллизии балканской политики и вовлеченность в них великих держав способствовали расшатыванию, и без того хрупкой и неустойчивой, полицентричной системы международных отношений, которая не смогла интегрировать в себя перманентный очаг международной нестабильности в виде Балканского региона, претендовавшего на собственное место в существовавшем тогда мировом, а точнее европейском, порядке. Кларк подчеркивает, что взаимодействие краткосрочных факторов на Балканах, как то: рождение независимого Албанского государства, переориентация внешней политики России в регионе с Болгарии на Сербию — «замутняло» систему, нарушало привычный алгоритм ее развития²⁷.

Одной из наиболее дискуссионных тем современной британской и американской историографии является «вклад» России и Австро-Венгрии, стремившихся установить свое влияние на Балканах, в развязывание Первой мировой войны. Историков, помимо собственно стратегии Петербурга и Вены на Балканах, интересовало то, как она сопрягалась с функционированием запутанной системы союзов и Антант, а если точнее, как балканский фактор вписывался в коалиционное взаимодействие России и Австро-Венгрии с их партнерами по блокам — Францией и Германией соответственно. В случае с российской политикой на Балканах, как мы увидим далее, в историографии нередко превалируют стереотипы и штампы, что во многом обуславливается современной политической конъюнктурой, а также субъективностью оценочных суждений самих авторов.

Красноречивым (и к слову, довольно тривиальным) примером демонизации позднеимперской политики России является книга американского историка Ш. Макмикина «Русские истоки Первой мировой войны». Претендуя на историографический прорыв, подобный тому, который в начале 1960-х годов совершил в своей работе «Рывок Германии к мировому господству» немецкий историк Ф. Фишер²⁸, Макмикин представляет Россию главной виновницей начала Первой мировой войны²⁹. Лейтмотивом его монографии является мысль о том,

что вся внешняя политика Петербурга, идет ли речь о ближневосточном, балканском или европейском направлении, была подчинена стремлению овладеть Проливами. Для России, ощущавшей свою уязвимость (протяженные незащищенные границы, враждебное окружение), преследуемой кошмаром европейской коалиции еще со времен Крымской войны и страдавшей «Берлинским синдромом», захват Босфора и Дарданелл был военно-стратегическим и экономическим императивом. По безапелляционному утверждению Макмикина, модернизация турецкого флота, страх перед ростом османской военно-морской мощи, а не защита «маленькой героической Сербии» подвигли Россию к вступлению в войну. Он заключает, что российские правящие круги «эксплуатировали» панславизм как вывеску, а на самом деле были равнодушны к судьбам сербов и болгар и были готовы в любой момент пожертвовать их интересами, что с легкостью и сделали в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг., Балканских войн 1912–1913 гг., кризиса из-за сербо-албанской границы в октябре 1913 г.³⁰ Характеризуя позицию России во время Июльского кризиса 1914 г., американский историк всячески пытается подчеркнуть агрессивность ее замыслов, заявляя, что Петербург, в отличие от Берлина и Вены, рассчитывавших поставить Европу перед свершившимся фактом австро-сербской локальной войны, преследовал куда более амбициозные цели, планируя войну европейскую, которую Россия должна выиграть в составе наиболее сильной коалиции³¹.

Однако надо признать, что далеко не все современные западные авторы, специализирующиеся по истории России, склонны к такой заведомой подмене понятий и стигматизации ее политики. Так, американские историки Р. Боброфф и Д.А. Рич и их британский коллега М. Рейнолдс в своих исследованиях стараются дать взвешенную, сбалансированную оценку внешнеполитического курса России, который, как ими подчеркивается, формировался в определенных международных реалиях и под воздействием объективных факторов. Р. Боброфф в своей работе, посвященной российской политике в отношении Черноморских проливов, констатирует, что

хотя установление контроля над Константинополем и являлось стратегической целью России, реализовать ее она планировала в среднесрочной или даже долгосрочной перспективе, а не летом 1914 г., будучи не подготовленной к большой европейской войне³². О сдержанности и прагматизме политики Петербурга на Балканах в период войн 1912–1913 гг., о его незаинтересованности в преждевременной перекройке балканскими союзниками карты полуострова и о намечавшейся тенденции к потеплению русско-турецких отношений накануне Первой мировой войны повествует М. Рейнолдс³³. В свою очередь, Д. Рич указывает на оборонительность позиций русской дипломатии в период Июльского кризиса, констатируя, что поддержка, оказанная Россией Сербии, носила вынужденный характер и была продиктована соображениями престижа, необходимостью подтвердить статус великой державы перед лицом мощнейшего давления со стороны австро-германского блока³⁴.

В настоящее время все большую популярность в литературе набирает концепция «балканизации» франко-русского альянса. В частности, Т. Отт, профессор Университета Восточной Англии, и американский историк С. Уилльямсон выдвигают тезис о том, что в представлениях французской элиты стабилизация внутривнутриполитического положения в России и как следствие упрочнение ее внешнеполитических позиций могли ослабить зависимость Петербурга от Парижа и в перспективе привести к его отколу от Антанты³⁵. В свете этого Франция, по мнению английского и американского специалистов, скорее стремилась к приближению европейской войны, а балканский сценарий ее начала гарантировал участие в конфликте России. Кларк доводит мысль о «балканизации» франко-русского союза до логической крайности, говоря о том, что Париж и Петербург сознательно конструировали геополитический спусковой механизм вдоль австро-сербской границы³⁶. В какой-то степени эти идеи являются отзвуком выводов, сделанных Г. Барнсом еще в середине 1920-х годов.

Учитывая политико-географическую локализацию Июльского кризиса 1914 г., ученые не перестают обращаться

к сюжетам, связанным со стратегией и тактикой Австро-Венгрии на Балканах. Насыщенный и разноплановый материал по данной тематике позволяет сформулировать ряд общетеоретических проблем, а именно: механизм выработки внешней политики многонациональным государством в условиях усиления на его территории центробежных тенденций (в частности, подъем югославянского движения), корреляция региональной гегемонии и поддержания великодержавного статуса (будучи балканской державой, Австро-Венгрия являлась членом «европейского концерта»), сращивание внутренней и внешней политики, стремление урегулировать принципиальные вопросы внутреннего развития посредством внешнеполитических акций. Обозначенная проблематика нашла отражение в работах С. Уилльямсона³⁷.

Ряд современных исследователей разделяет мнение о том, что логика поведения Австро-Венгрии в период Июльского кризиса была обусловлена соображениями сугубо регионального порядка³⁸. Австро-венгерское руководство, не просчитав все риски и недооценив возможные международные последствия ультиматума, направленного им Сербии 23 июля, планировало, по выражению американского историка Дж. Танстолла, устроить «маленькую локальную войну к югу от Савы и Дуная»³⁹, т.е. начать Третью Балканскую войну.

Вообще же концепция Первой мировой войны как «Третьей Балканской войны» породила серьезные споры в историческом сообществе. Впервые она была сформулирована в начале 1970-х годов американским исследователем И. Римакком. Он ставил «Великую войну» в один ряд с Балканскими войнами 1912–1913 гг., в ходе которых местные государства боролись за «турецкое наследство». В 1914 г. сербы, воодушевленные идеей присоединения югославянских провинций Австро-Венгрии, как отмечал И. Римак, готовились к войне с последней. Отдавая себе отчет во вмешательстве России в конфликт на Балканах и как следствие автоматическом запуске системы европейских союзов, сербское правительство, по словам американского историка, намеренно провоцировало военное столкновение с Дунайской монархией⁴⁰.

Одним из принципиальных критиков построений И. Римака выступил его соотечественник П. Шрёдер. События июля 1914 г. явились, на взгляд последнего, естественным результатом предшествовавшего развития международных отношений, в том числе взятого Великобританией курса на укрепление Тройственного соглашения. Англия, как предположил П. Шрёдер, проводила свою «политику Антант», в частности, выстраивала отношения с Россией, за счет Австро-Венгрии. Лондон не воспринимал Двуетную монархию как противника, а скорее ставил ее в один ряд с «недееспособными» Китаем и Персией. Отказ Британии от поддержки Австро-Венгрии означал, что она складывала с себя свои европейские обязательства. Распад Дунайской монархии, который повлек бы за собой образование вакуума силы в «сердце» Европы, по мнению американского историка, с математической точностью предопределил войну за господство на европейском континенте⁴¹.

Эти взгляды были развиты и модернизированы П. Шрёдером в более поздних работах. Так, он пришел к заключению о том, что агрессивная балканская политика Австро-Венгрии явилась вынужденной реакцией на деформацию «европейской системы». Старая система взаимоотношений между великими державами базировалась на признании ими неких норм поведения и правил игры, одним из которых было существование Австро-Венгрии в качестве великой державы, гарантированное всеми членами «европейского концерта». Перенесение принципов империалистического соперничества на почву европейской политики привело к изменению правил игры, что вылилось в обострение борьбы между великими державами на Балканах. Австро-Венгрия перестала вписываться в новые реалии европейской и мировой политики. Таким образом, в 1914 г., по метафоричному замечанию П. Шрёдера, Дунайская монархия выбрала для себя наиболее «предпочтительный» способ ухода из жизни: самоубийство, которое было совершено не из-за боязни смерти, а из-за страха перед палачом, в облики которого выступала сама система международных отношений⁴².

Среди значимых факторов, определявших как расстановку сил на мировой арене, так и динамику взаимодействия великих держав на Балканах, следует упомянуть австро-германское сотрудничество в рамках Тройственного союза. В новейших исследованиях, затрагивающих австро-германские отношения в период Июльского кризиса, основная дискуссия разворачивается вокруг двух принципиальных моментов: первый — это желание/нежелание Германии локализовать австро-сербский конфликт на Балканах летом 1914 г., второй — начало «превентивной войны», как наиболее желательный исход Июльского кризиса для Центральных держав.

Так, в общем-то почти все исследователи сходятся во мнении о том, что обусловленный Балканскими войнами подрыв позиций Австро-Венгрии в регионе, перспектива распада этой многонациональной империи, вкупе с постепенным восстановлением военной мощи России на Востоке, обнаружили, как полагало германское руководство, стратегическую уязвимость австро-германского союза в Европе. А потому Берлин склонялся к силовому варианту разрешения кризиса на Балканах, спровоцированного убийством австро-венгерского эрцгерцога⁴³. Но тут-то и начинаются основные концептуальные расхождения у исследователей. Приведем два наиболее четко артикулированных подхода. Первый из них представлен работами крупного американского специалиста в области теории международных отношений Дж. Леви, утверждающего, что германская стратегия разрешения так называемой «дилеммы безопасности» заключалась не в развязывании «превентивной войны» в общеевропейском масштабе, а в провоцировании локализованного австро-сербского столкновения на Балканах. Ведь, с одной стороны, успешная реализация этого сценария вызвала бы перегруппировку сил в Юго-Восточной Европе, что облегчило бы положение Австро-Венгрии в регионе; с другой — локализованная австро-сербская война способствовала бы расколу Антанты, что сняло бы проблему «окружения» Германии⁴⁴.

Данному подходу, заключающемуся в «балканизации» германской «Weltpolitik», противопоставляется концепция «глобализации» Третьей Балканской войны. К ее приверженцам

можно причислить американских политологов С. Ван Эверу и Д. Коуплэнда. Так, на взгляд этих ученых, Вена и Берлин, рассчитывавшие переломить негативные для них политические тенденции на Балканском полуострове и в Европе, склонялись к возможности начала «превентивной войны», которая по своим масштабам распространилась бы далеко за границы Юго-Восточной Европы. С. Ван Эвера справедливо отмечает, что стремление Центральных держав нанести упреждающий удар вполне соотносилось с господствовавшим в то время «культом наступательной политики». Руководствуясь так называемой логикой «окон возможности», стратеги в Берлине полагали, что в период Июльского кризиса 1914 г. как раз-таки и открылось одно из таких «окон», т.е. выдался момент, когда благоприятное стечение обстоятельств позволяло австро-германскому блоку сместить баланс сил в Европе в свою сторону. Балканский кризис 1914 г., по меткому замечанию Ван Эверы, давал шанс Германии спроектировать «идеальное» начало войны⁴⁵. Коуплэнд, в свою очередь, констатирует, что в восприятии германского политического и военного руководства только тотальная война, а не победа Австро-Венгрии в локальном конфликте на Балканах, помогла бы Германии разрешить «дилемму безопасности», устранив французскую угрозу с Запада и русскую — с Востока⁴⁶.

Абстрагируясь от теоретических выкладок и переходя к конкретно-историческому материалу, отметим, что в историографии происхождения Первой мировой войны особое место занимают сюжеты, связанные с Балканскими войнами 1912–1913 гг., за которыми закрепились красноречивая характеристика «пролога» и «прелюдии» общеевропейской катастрофы 1914 г.⁴⁷ В современных исследованиях Балканские войны фигурируют в трех основных ипостасях: как конфликт внутрирегиональный, как военно-политический феномен начала XX в., как один из ключевых этапов милитаризации европейской дипломатии и виток «гонки вооружений», вылившейся в Первую мировую войну.

Известный американский историк-балканист, профессор Государственного университета Миннесоты Р. Холл в своей

монографии «Балканские войны, 1912–1913 гг. — прелюдия Первой мировой войны» детально исследует этапы формирования Балканского союза, ход и характер боевых действий, попытки великих держав повлиять на процесс послевоенного урегулирования, акцентируя внимание на остроте национальных противоречий местных государств, на проблеме несовпадения их территориально-политических и этнических границ. Он делает заключение о наличии мощного деструктивного элемента в национальных aspirations балканских государств и в их территориальных притязаниях. Инкорпорируя Балканские войны в более широкий международно-политический контекст первой половины XX в., Холл предлагает рассматривать их, с одной стороны, как начальную фазу Первой мировой войны⁴⁸, с другой, как часть общеевропейского конфликта, продлившегося (с перерывом в 20 лет) до 1945 г.⁴⁹

Большинство авторов единодушны в том, что непосредственная преемственность между Балканскими войнами и Первой мировой войной проявилась, прежде всего, в военной сфере. На взгляд британского военного историка и журналиста Э. Хутона, Балканские войны стали своеобразным водоразделом между военным искусством образца Наполеоновских войн и современным способом ведения боевых действий. Ибо в их ходе сочеталась характерная для XIX в. практика дислоцирования войск и организации боевых операций с применением новейших видов вооружений (скорострельная артиллерия, авиация), без которых немислимо военное дело XX столетия⁵⁰. Холл идет еще дальше в своих выводах, говоря о том, что Балканские войны ознаменовали начало эпохи современных вооруженных конфликтов. Так, в военных действиях, развернувшихся в 1912–1913 гг. на юго-восточной оконечности Европы, участвовали армии, сформированные на базе обязательной воинской повинности и оснащенные современными технологиями; солдаты, испытывавшие мощный патриотический подъем, были готовы воевать до морального и физического истощения; кроме того, в общепалканский конфликт кануна Первой мировой войны оказались вовлеченными массы гражданского населения⁵¹.

Исследователи также пишут о «рубежности» Балканских войн в контексте раскручивания великими державами спирали вооружений. Американский историк Д. Херманн и его британский коллега Д. Стивенсон в своих работах показывают, как после 1912 г. расчеты руководства великих держав, основанные на оценке военной силы и соотношении военных преимуществ, превратились в доминирующий фактор, влиявший на выработку внешнеполитических решений во всех без исключения европейских столицах. Балканские войны, как констатирует Д. Стивенсон, дали импульс принятию новых военных законов в Германии, Франции и России (1913), а также в Австро-Венгрии (1914)⁵². Коллизии международных кризисов, гонка вооружений, конфликт в Юго-Восточной Европе, повлекший минимизацию влияния Австро-Венгрии в регионе, — все это, как пишет Д. Херманн, заставило многих современников событий поверить в то, что к концу 1913 г. война была неизбежна⁵³.

И, наконец, последний аспект, на котором хотелось бы остановиться, — это то, как современные английские и американские авторы оценивают политику самих балканских государств, а именно Сербии. Не требует объяснений тот факт, что внимание исследователей по большей части сфокусировано на австро-сербском противостоянии, а значит, на поведении Сербии, в частности ее самопозиционировании в качестве «югославянского Пьемонта». Наблюдается устойчивая тенденция перекладывания ответственности за развязывание Первой мировой войны на Сербское королевство. В общем-то это даже не тенденция, а скорее традиция англо-американской историографии, ибо подобные суждения мы можем встретить в трудах маститых историков, таких как С. Фей и И. Римак. Сейчас в тренде писать о подрывной деятельности в Боснии и Герцеговине сербских «террористов», спонсируемых из Белграда. На подобные пассажи можно натолкнуться в работах К. Кларка и С. Уилльямсон⁵⁴. Утверждения вроде того, что «Молодая Босния» — филиал «Черной руки», являются общим местом. Появление столь жестких и безапелляционных формулировок, как представляется, помимо историографической традиции, обязано воздействию информационного поля.

глобальной системы, функционировал по общим с ней законам. Кроме того, в недостаточной мере зарубежными авторами освещается взаимовлияние глобального и регионального (балканского) уровней международной системы кануна Первой мировой войны. В качестве позитивной тенденции можно выделить междисциплинарность ряда новых работ, попытки использовать аналитический инструментарий в исследовании фактологического материала, несмотря на опасность излишней схематизации многих сложных явлений. Ведь, как когда-то заметил А. Эйнштейн, обращаясь к концептуализации, мы апостериори пытаемся реконструировать реальность⁵⁶. В любом случае не одно поколение историков еще ломает копья, стремясь ответить на вопрос: почему Первая мировая война началась на Балканах?

Примечания

- ¹ *Evans R.J.* In Defence of History. London, 2000. P. 2, 30–31.
- ² *Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe went to War in 1914. London, 2013. P. XXIV.
- ³ См. историографические обзоры: *Сергеев Е.Ю.* Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 3–15; *Романова Е.В.* Современная западная историография о происхождении Первой мировой войны // Там же. 2014. № 4. С. 127–143; *Showalter D.E.* Researching World War I: A Handbook. Westport, CT, 2003.
- ⁴ Цит. по: *The Outbreak of the First World War: Structure, Politics and Decision-making* / Ed. by J.S. Levy and J.A. Vasquez. New York, 2014. P. 3.
- ⁵ *Seton-Watson R.W.* The Rise of Nationality in the Balkans. London, 1917.
- ⁶ *Idem.* German, Slav and the Magyar. A Study in the Origins of the Great War. London, 1916.
- ⁷ *Ibid.* P. 187.
- ⁸ *Barnes H.E.* The Genesis of the World War: An Introduction to the Problem of War Guilt. New York, London, 1927. P. 654–662.
- ⁹ *Fay S.* Origins of the World War. Vol. II. New York, 1928. P. 547–558.
- ¹⁰ *Seton-Watson R.W.* Sarajevo: A Study in the Origins of the Great War. London, 1926.
- ¹¹ *Idem.* Wilhelm II's Balkan Policy // The Slavonic and East European Review. 1928. Vol. 7. № 19. P. 19–20.
- ¹² *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. М., 1958; *Turner L.* Origins of the First World War. London, 1970; *Lafore L.* The Long Fuse; an Interpretation of the Origins of World War I. Philadelphia, 1971; *Crampton R.Y.* The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans, 1911–1914. London, 1980; *The Origins of the First World War* / Ed. by H.W. Koch. London, 1984; *The Coming of the First World War* / Ed. by R.Y. Evans. Oxford, 1988; *Stevenson D.* The First World War and International Politics. Oxford, 1988.
- ¹³ *Joll J.* The Origins of the First World War. London, New York, 1984.

- ¹⁴ *Berghahn V.R.* Germany and the Approach of War in 1914. London, 1973; *Bridge F.R.* From Sadowa to Sarajevo. London, 1972; *Keiger J.* France and the Origins of the First World War. London, 1983; *Lieven D.C.B.* Russia and the Origins of the First World War. London, 1983; *Mason J.W.* The Dissolution of the Austro-Hungarian Empire. London, 1985; *Steiner Z.S.* Britain and the Origins of the First World War. London, 1977; *Bosworth R.* Italy and the Approach of the First World War. London, 1983.
- ¹⁵ *Kahler M.* Rumors of War: The 1914 Analogy // Foreign Affairs. 1979. Vol. 52. № 2. P. 374–396.
- ¹⁶ *Van Evera S.* The Cult of the Offensive and the Origins of the First World War // International Security. 1984. Vol. 9. № 1. P. 58–107; *Snyder J.* Civil-Military Relations and the Cult of the Offensive, 1914 and 1986 // Ibid. P. 108–146.
- ¹⁷ *Lynn-Jones S.M.* Détente and Deterrence: Anglo-German Relations, 1911–1914 // International Security. 1986. Vol. 11. № 2. P. 121–150.
- ¹⁸ *Sagan S.D.* 1914 Revisited: Allies, Offence and Instability // International Security. 1986. Vol. 11. № 2. P. 151–175. Также см. более позднюю работу по этой теме: *Snyder G.* Alliance Politics. Ithaca, New York, 1997.
- ¹⁹ *Neiberg M.S.* Dance of the Furies: Europe and the Outbreak of World War I. Cambridge, Mass., 2011.
- ²⁰ *Jannen W.* The Lions of July: Prelude to War, 1914. Novato, CA, 1997; *Fromkin D.* Europe's Last Summer: Who Started the Great War in 1914? New York, 2004; *MacMeekin S.* July 1914: Countdown to War. New York, 2013; *Martell G.* The Month that Changed the World: July 1914. New York, 2014; *Otte T.* July Crisis: The World's Descent into War, Summer 1914. Cambridge, 2014.
- ²¹ *Mulligan W.* The Origins of the First World War. Cambridge, 2010; *MacMillan M.* The War that Ended Peace: The Road to 1914 [Kindle Edition]. New York, 2013.
- ²² *MacMillan M.* Op. cit. Loc. 281–282.
- ²³ *Mulligan W.* Op. cit. P. 233.
- ²⁴ *Strachan H.* The Outbreak of the First World War. Oxford, 2004. P. 79–80.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ *Clark C.* Op. cit. P. XXVII.
- ²⁷ Ibid. P. 557.
- ²⁸ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland, 1914–18. Droste, Düsseldorf, 1961. Ф. Фишер, тщательно изучив социально-экономические факторы, влиявшие на выработку внешней политики кайзеровской Германии, писал о ее экспансионистском характере, о стремлении германских правящих кругов к «мировому господству». Таким образом, в своей работе Фишер возложил на Германию полную ответственность за начало Первой мировой войны.
- ²⁹ *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge, Mass., 2011. P. 1–2.
- ³⁰ Ibid. P. 5.
- ³¹ Ibid. P. 74–75.
- ³² *Bobroff R.* Roads to Glory: Late Imperial Russia and the Turkish Straits. London, New York, 2006. P. 94–95.
- ³³ Reynolds M. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge, 2011. P. 22–46.
- ³⁴ *Rich D.A.* Russia // The Origins of World War I / Ed. by R.F. Hamilton and H.H. Herwig. New York, 2003. P. 196.

- ³⁵ *Otte T.G.* A "Formidable Factor" in European Politics: Views of Russia in 1914 // *The Outbreak of the First World War: Structure, Politics and Decision-making* / Ed. by J.S. Levy and J.A. Vasquez. New York, 2014. P. 94–98; *Williamson S., Jr.* July 1914 Revisited and Revised: The Erosion of the German Paradigm / *Ibid.* P. 50.
- ³⁶ *Clark C.* *Op. cit.* P. 558.
- ³⁷ *Williamson S., Jr.* *Austria-Hungary and the Origins of the First World War.* London, 1992.
- ³⁸ *Williamson S., Jr.* *Op. cit.*; Maurer J. *The Outbreak of the First World War: Strategic Planning, Crisis Decision Making, and Deterrence Failure.* Westport, CT, 1995.
- ³⁹ *Tunstall G.* *Austria-Hungary // The Origins of World War I.* P. 149.
- ⁴⁰ *Remak J.* 1914 – The Third Balkan War: Origins Reconsidered // *The Journal of Modern History.* 1971. Vol. 43. № 3.
- ⁴¹ *Schroeder P.W.* *World War I as Galloping Gertie: A Reply to Joachim Remak // The Journal of Modern History.* 1972. Vol. 44. № 3.
- ⁴² *Idem.* Stealing Horses to Great Applause: Austria-Hungary's Decision in 1914 in Systemic Perspective // *An Improbable War: The Outbreak of World War I and European Political Culture before 1914* / Ed. by H. Afflerbach, D. Stevenson. Oxford, 2007.
- ⁴³ *Copeland D.* *The Origins of Major War.* Ithaca, London, 2001. P. 70.
- ⁴⁴ *Levy J.S.* The Sources of Preventive Logic in German Decision-making in 1914 // *The Outbreak of the First World War.* P. 139–166.
- ⁴⁵ *Van Evera S.* *Op. cit.* P. 83.
- ⁴⁶ *Copeland D.* International Relations Theory and the Three Great Puzzles of the First World War // *The Outbreak of the First World War... P. 198.*
- ⁴⁷ *Hall R.* *The Balkan Wars, 1912–1913: Prelude to the First World War.* London, 2000; *Hooton E.R.* *Prelude to the First World War: The Balkan Wars, 1912–1913* [Kindle edition]. Concord, MA, 2014.
- ⁴⁸ Холл, помимо всего прочего, указывает на общие поля сражений для Балканских войн и Первой мировой войны: Фракия, область Салоник, Битола, район р. Струмица и оз. Дойран // *Hall R.* *Op. cit.* P. 132.
- ⁴⁹ Имеется в виду, что ключевой вопрос Балканских войн – судьба Македонии – был окончательно решен, подобно многим другим территориально-политическим противоречиям в Европе, только после окончания Второй мировой войны // *Ibid.* P. 130.
- ⁵⁰ *Hooton E.R.* *Op. cit.* Loc. 86.
- ⁵¹ *Hall R.* *Op. cit.* P. 130.
- ⁵² *Stevenson D.* *Militarization and Diplomacy in Europe before 1914 // International Security.* 1997. Vol. 22. № 1. P. 159. Подробнее: *Idem.* *Armaments and the Coming of War: Europe, 1904–1914.* Oxford, 1996.
- ⁵³ *Hermann D.* *The Arming of Europe and the Making of the First World War.* Princeton, N.Y., 1996.
- ⁵⁴ *Clark C.* *Op. cit.* P. 47–55; *Williamson S., Jr.* *July 1914 Revisited... P. 39–41.*
- ⁵⁵ *MacKenzie D.* *Apis: The Congenial Conspirator. The Life of Colonel Dragutin T. Dimitrijević.* New York, 1989. P. 123–137; *Hall R.* *Serbia // The Origins of World War I.* P. 106.
- ⁵⁶ *Einstein A.* *Ideas and Opinions.* New York, 2012. P. 58.